

УДК 821.161.1.09 Шмелёв И.С.

Строганова И.А.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ОЦЕНКИ СИНТЕЗА ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЁВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ» В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Аннотация. В статье рассматривается итоговый роман И.С. Шмелёва «Пути небесные» в аспекте его жанровой принадлежности. Жанровая форма романа синтезирует черты жития, дневника, исповеди, поучения, проповеди. Кроме компонентов агиографической литературы писатель использовал классическую романную линию и создал в эмиграции новый жанр – «духовный роман», в чём проявилось новаторство автора книги. Исследователи творчества И.С. Шмелёва, в том числе его современники, неоднозначно восприняли итоговое произведение писателя и указывали на некоторую противоречивость в использовании писателем элементов различных жанровых форм.

Ключевые слова: художественная форма, жанровый синтез, стилевой синтез, «духовный роман», православное мировоззрение.

I. Stroganova

Sholokhov Moscow State University for the Humanities

EVALUATIONS OF THE SYNTHESIS OF THE NOVEL GENRE FORM OF I. SHMELEV'S «WAY OF HEAVEN» IN THE WORKS OF CONTEMPORARY LITERARY CRITICS

Abstract. The article discusses the final novel of I. Shmelev «Way of Heaven» in terms of its genre. The genre of the novel synthesizes features of a living, a diary, a confession, a teaching, a preaching. Besides components hagiographic literature the writer used the classic novel line and created a new genre in exile - «spiritual novel», which was innovative in the author's book. Researchers of I. Shmelev's works, including his contemporaries, perceived the final product of the writer ambiguously and indicated some inconsistency in the use of various elements of various genre forms.

Keywords: art form, genre synthesis, synthesis of style, «spiritual novel», Orthodox world.

Книга И.С. Шмелёва «Пути небесные» – «роман-завещание» [22, с. 454-457], «эпопея о религиозных исканиях русской души» [4, с. 135-142] – итоговое произведение писателя. Г.П. Струве отмечал, что в изгнании художественный талант И.С. Шмелёва приобрёл размах, которого до того не было; главным вкладом писателя в зарубежную литературу, по мнению критика, стал и роман «Пути небесные» [15, с. 175], новый тип романа, основанный на сознательно-православном мировоззрении: «Воссоздав черты личности, детали биографии и даже сохранив имена реальных людей, Шмелёв создал книгу, стоящую на грани между художественным произведением и документальным повествованием» [6, с. 3];

© Строганова И.А., 2014.

«необычность романа заключается в осознанно-строгой ориентированности на христианские догматы, более последовательной и жёсткой даже по сравнению с «Богомольем» и «Летом Господним» [5, с. 68]. Поэтическая система «Путей небесных» включает жанровые черты агиографии, дневника, исповеди, поучения, проповеди, органично вплетающихся в структуру произведения. Наряду с жанровым синтезом в книге наблюдается синтез стилевой: символистские концепции рубежа XIX–XX вв. взаимодействуют с традициями русской реалистической классики.

В основе «духовного романа» Шмелёва – творческий сплав жанровых компонентов светской и духовной литературы: помимо любовной интриги, важнейшими смысловыми жанрообразующими факторами книги являются знамения, предсказания, предопределения, чудеса, вещие сны, случаи как знаки Господни [19, с. 20–28]. Опираясь на данное И. Ильиным определение книги И. Шмелёва как «опыта духовного романа», О.В. Селянская анализирует духовно-эстетическую концепцию автора, эволюцию ключевых моментов воплощённого в книге многолетнего духовного опыта писателя. Рассматривая «Пути небесные» в контексте православной традиции, О.В. Селянская акцентирует внимание на таких аспектах жанровой природы романа, как провиденциальный характер («план» «для судеб мира» – история мира; «для каждого из сущих» – «план жизни» человека, его судьба); символическое название, отражающее поиск путей к познанию божественной истины; контраст божественного и дьявольского (святого и грешного, светло-

го и тёмного) на всех уровнях текста; создание «иконного» образа главной героини; жертвенную любовь ко всему живому; связь «всего со всем» – чувство соборности, слиянности человека с окружающим миром в общей молитве Богу; мотив душевного сна; духовную брань. О.В. Селянская отмечает такие особенности художественной системы книги И. Шмелёва, как метафорическую образность, систему оппозиций, символику света и цвета, темпоритм повествования, составляющих основу религиозной концепции автора: идею восхождения человека через страдания и земные лишения к божественному откровению – «небесный путь» [11].

В структуре жанрово полифоничного «духовного романа» И.С. Шмелёва О.Е. Галанина и В.Т. Захарова выявляют и анализируют систему лейтмотивов, отражающих последовательную установку автора на православную традицию и замечают: «Такая насыщенная концентрация формы обусловлена идейной концепцией автора: показать путь духовного становления личности не в психологическом аспекте (как это было в литературе XIX в.), а в категориях православной антропологии» [1, с. 74–75]. В сопоставлении социально-бытового и космического уровней «Путей небесных» в своей работе авторы рассматривают комплекс мотивных линий, соотносимых с моделями «Дом-Храм-Город» и «Дом-Храм-Усадьба». По их наблюдению, первый план сопровождается темами искушения, соблазна, «антидома», переходящих в генеральный мотив «суетности жизни»; на втором уровне этот мотив трансформируется: круг всеобщей суеты переходит в круг

бесконечной полноты, где ведущим становится мотив возвращения в потерянный рай.

В романе писатель использует значимые для житийной литературы элементы: вещие сны и описание чудес. «Чудесное событие – характерный для творчества И.С. Шмелёва сюжетный мотив», – утверждает Л.В. Суматохина, отмечая эволюцию «чудесных» мотивов в творчестве писателя от условного метафорического упоминания о чуде в до-революционный период до употребления в буквальном смысле слова после 1934 г., когда писатель пережил чудесное исцеление [16, с. 247-252]. Рассматривая чудесное событие в сюжете «Путей небесных» как черту духовного реализма, исследовательница представляет фабулу книги в виде цепи чудесных событий, в которых для героев очевиден Божий Промысел, «небесный чертёж» их судеб. По утверждению Т.А. Махновец, чудо в произведениях И. Шмелёва «сообщает полноту концепции мира и человека, оно приподнимает человека над привычными условиями «мира сего», напоминая, что человеку даны способности для восприятия иного, высшего мира» [10, с. 28]. В то же время «изобилие и сам характер чудес, исходящих от икон, нарушает художественную меру» [20, с. 34]; в частности, празднование памяти Николая Чудотворца в «Путях небесных» присутствует не в подтексте, а в самом тексте, и «именно эта неумеренная настойчивость лишает изображение праздников в последнем романе Шмелева той поэтичности и сердечной теплоты, которой оно отмечено в «Лете Господнем» [21, с. 58-66].

Религиозная окрашенность поздней прозы И. Шмелёва определила обращение писателя к темам «хождения»,

«жития», «поучения», «пророчества». Анализируя возможность жанрового синтеза жития и романа в итоговом произведении писателя, Н.А. Герчикова отмечает стремление некоторых литературоведов свести своеобразие романа лишь к идее использования И. Шмелёвым житийных мотивов в построении сюжета. Однако, по её мнению, при детальном рассмотрении замысла «Путей небесных» обнаруживается иной аспект этой проблемы – сущностных отличий романа и жития в силу различной направленности этих жанров: светского (роман) и «церковного» (житие), что позволяет говорить о новаторстве и художественном эксперименте в творчестве писателя [2]. Н.А. Герчикова приходит к выводу о тяготении «Путей небесных» к типу «романа воспитания», в котором «изображены временные отрезки, ярко высвечивающие определяющие моменты в жизни главных героев, переходные этапы их становления, выстроенные автором в линию поступательного развития» [2, с. 311].

Штрихи житийного жанра в реалистическом повествовании «Путей небесных» О.Н. Сорокина соотносит с названиями глав романа: «Откровение», «Искушение», «Преодоление» и др. Сверхзадача романа, по ее мнению, – исследование темы судьбы человека, центральная проблема – спасение души человеческой: «По своему художественному методу и философии «Пути небесные» противостоят «новому роману» экзистенциалистов, а с другой стороны, согласуются с идеями французских современников Шмелёва – Франсуа Мориака и Жоржа Бернаноса, авторов религиозных романов, ориентирующихся на «Мысли» Блеза

Паскаля: «Страдание человека без Бога, и величие человека с Богом», – считает исследовательница [14, с. 276]. Богословский контекст творчества И. Шмелёва обусловлен его мировосприятием как верующего писателя и объясняет своеобразие художественной действительности романа, где в природный мир включено сверхъестественное: «В основе шмелёвской трактовки человеческой личности лежит одна из центральных тем христианской антропологии – тема образа и подобия Божьего» [12, с. 62]. Важнейшим элементом художественной структуры романа, по мнению А.Г. Сергеевой, является христианская символика движения человеческой души к спасению из мрака греховной слепоты к прозрению и познанию света Истины, то есть Божественного Промысла, но в то же время утверждается невозможность для порабощённой грехом души прямо следовать этому пути и сразу проникнуть в суть происходящих событий. На вопрос о смысле страданий И.С. Шмелёв отвечает, опираясь на православное учение: страдание за грех есть голос Божий, вразумление грешащему человеку. Эту мысль выражает героиня романа, воспринимающая страдание как духовное лекарство от греховного вреда, чему способствует и духовный настрой, изначально включающий ориентацию на постижение смысла примет потустороннего мира.

Работая над романом «Пути небесные», И. Шмелёв читал Софокла в поисках античного понимания рока; «осмыслив воззрения древних, он размышлял о христианском понимании Промысла: где у Софокла – гибель в угоду злему року, у Шмелёва – искушения и спасение» [13, с. 227]. Отмечая, что «абстрактно-гуманитарная» идея

о путях спасения души через совесть, о страстях, искушениях, прельщениях, самолюбии, сомнениях подчиняет себе природу текста «Путей небесных», Н.М. Солнцева сопоставляет структуру романа с текстами Феодана, сравнивая названия глав, в основу которых положены моральные, религиозные понятия («Зло», «Страсти», «Прелесть», «О соблазне», «О гневе» и др.). На определении жанра «Путей небесных» как «религиозного романа» настаивает Е.А. Черева, в качестве обоснования рассматривая не только проповеднический пафос книги, но и важную роль мотива преображения [18, с. 183-189]. Идея Преображения с точки зрения православного сознания занимает особое место в творчестве И.С. Шмелёва, она «становится основным художественным приёмом в изображении человека. Положительные герои изображаются Шмелёвым в сиянии света» [9, с. 146].

Романная и агиографическая линии в структуре «Путей небесных», таким образом, органически взаимодействуют. В соответствии с замыслом произведения, бытовой и бытийный планы в книге сопряжены с двумя сюжетными линиями, реализуясь в том числе через лейтмотивные комплексы, соотносимые с образами главных героев и религиозной канвой книги. Жанровые особенности романного целого определили стилевой синтез «Путей небесных», выраженный во взаимопроникновении традиций русской реалистической литературы и философско-эстетических поисков Серебряного века.

Этический критерий, лежащий в основе эстетики Л. Толстого, по мнению А.П. Черникова, доминирует в произ-

ведениях И. Шмелёва, чем и обусловлен интерес писателя к проблемам морали, человеческого достоинства, мучительных поисков ответов на вопросы о смысле жизни, о быте и бытии русского человека, о сложностях жизни, противоречивых исканиях и радостях духовных прозрений. Несомненные толстовские традиции в «Путиях небесных» учёный видит в использовании И. Шмелёвым формы традиционного любовного романа, где интертекстуальность «носит явно полемический характер, ибо, используя для воплощения христианских идей форму, ситуации традиционного романа, в частности, «Анну Каренину», Шмелёв насыщает его новым смыслом и содержанием, показывая, какова роль Провидения в жизни каждого человека, как ведёт его по земным путям и путям небесным Божий Промысел и какова роль самого человека в выборе этих путей» [19, с. 27].

Историософская концепция Вл. Соловьёва (исторический процесс с внутренней необходимостью ведёт к торжеству добра), по мнению А.М. Любомудрова, оказала влияние и на творчество И. Шмелёва: «Существенно для мировоззрения Шмелёва то, что правда неизбежно должна прийти в мир в рамках наличного исторического бытия. <...> Но влияние Соловьёва не ограничивалось лишь историософскими теориями. Основоположник символизма, философ-поэт оказал немалое воздействие и на эстетическую ткань произведений Шмелёва» [8, с. 19, 21]. Указывая на значимость итогового романа писателя, А.М. Любомудров обращает внимание на «просчёты» автора в изображении православного мира и православного человека, прежде всего в создании

образа главной героини. Двоемирие Дарьи, двойственность ее натуры, соединяющей человеческое и нечто из мира высшего, при внимательном прочтении оказывается не поэтической метафорой, а обнаруживает глубокий религиозно-философский смысл, отсылающий к эстетическим и философским составляющим русского символизма начала XX века, «христианство призывает человека к обожению души, ума, сердца, тела, а не разрывает личность дуалистически на небесную и земную» [8, с. 22]. Ещё одно отступление от последовательно православной линии в изображении персонажей связано с преклонением Вейденгаммера перед героиней, подобное культу Прекрасной Дамы у младосимволистов; отголоски символистской поэзии, идея Вечной Женственности пронизывают также письма Вагаева к Дарье. Влияние идей философа отчётливо заметны в неслучайности всего происходящего: эта мысль «может показаться подлинно христианской, но мысль о таинственном значении и даже предназначении каждого явления уже уводит от представления о Промысле и свободной синергии Бога и человека» [8, с. 24]. Н.М. Солнцева также замечает отражение рассуждений Вл. Соловьёва о механическом (рассудочном мышлении) и органическом, рассматривающем нечто в его связи со всем прочим в романе И. Шмелёва, проявившееся в степени духовного влияния Дарьи на Вейденгаммера [13]. Влияние философских построений Вл. Соловьёва в замысле «Путиях небесных» Л.В. Хачатурян находит в заимствовании писателем у философа двух центральных идей: Вечно-женственного как искупляющей и направляющей силы и

диалектического понимания христианства, согласно которому падение/искушение является необходимым этапом становления человеческого и Мирового духа [17, с. 314-318].

Решение художественных задач, поставленных И. Шмелёвым в «Путих небесных» потребовало создания новой художественной формы. В итоге роман синтезирует различные жанровые и стилевые черты, органично вплетающиеся в художественную ткань произведения и создающие целостность, единство романного пространства, реализуясь на разных уровнях структуры текста: сюжетном, образном, мотивном, композиционном.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Галанина О.Е., Захарова В.Т. Духовный реализм И. Шмелёва: лейтмотив в структуре романа «Пути небесные». Н. Новгород, 2004.
2. Герчикова Н.А. Роман «Пути небесные» – итог творческого пути И.С. Шмелёва // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. М., 2007. С. 308-313.
3. Иван Шмелёв // Литература русского зарубежья (1920-1940). М., 2006. С. 64-79.
4. Каманина Е.В. О смысле заглавия и подзаголовка «эпопеи» в «Солнце мёртвых» И.С. Шмелёва // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. М., 2007. С. 135-142.
5. Компанец В.В. Антиномичность характера в романе И.С. Шмелёва «Пути небесные» // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен: В 2-х ч. М., 2003. Ч. 1. С. 68-71.
6. Любомудров А. Опыт духовного романа // Шмелёв И. Пути небесные. М., 2007. С. 3-78.
7. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв. СПб., 2003.
8. Любомудров А.М. И.С. Шмелёв и философия Владимира Соловьёва // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. Указ. изд.: С. 19-24.
9. Макаров Д.В. Преображение человека: от религии к художественной литературе (И.С. Шмелёв, А.А. Блок). Ульяновск, 2005.
10. Махновец Т.А. Концепция мира и человека в зарубежном творчестве И.С. Шмелёва. Йошкар-Ола, 2004.
11. Селянская О.В. Духовно-аксиологическая парадигма романа И.С. Шмелёва «Пути небесные» в контексте переписки автора с И.А. Ильиным: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
12. Сергеева А.Г. «Пути небесные» И.С. Шмелёва как «духовный роман» // Творчество И.С. Шмелёва в аксиологическом аспекте. Алушта, 2004. С. 56-67.
13. Солнцева Н.М. Иван Сергеевич Шмелёв: аспекты творчества. М., 2006.
14. Сорокина О.Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. М., 2000.
15. Струве Г.А. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. М.; Париж, 1996.
16. Суматохина Л.В. Типология чудесного в произведениях И.С. Шмелёва // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. М., 2007. С. 247-252.
17. Хачатурян Л.В. «Пути небесные»: редакции 1944 и 1947 гг. // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. Указ. изд.: С. 314-318.
18. Черева Е.А. Жанрообразующее значение мотива «преображения» в романном творчестве И.С. Шмелёва // Пушкинские чтения: Материалы X международной конференции. СПб., 2005. С. 183-189.
19. Черников А.П. Традиции русской литературы XIX в. в прозе И.С. Шмелёва // Художественный мир И.С. Шмелёва и традиции славянской культуры. Симферополь, 2004. С. 20-28.
20. Шешунова С.В. Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мель-

- ников-Печерский, И.С. Шмелёв, А.И. Солженицын: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Дубна, 2006.
21. Шешунова С.В. Православный календарь в романах И.С. Шмелёва // Наследие И.С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. Указ. изд. М., 2007. С. 58-66.
22. Шмелёв И.С. / Писатели русского зарубежья // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). М., 1997. С. 454-457.